

бождению рабочих масс, было заковано в цепи или устранено из числа живых, после того как даже в маленьких городках расстрелянные жертвы ежедневно исчислялись сотнями и иногда целые толпы рабочих и крестьян вместе с женщинами и детьми были сразу расстреливаемы из пулеметов, после того как, наконец, некоторые руководящие органы британской печати прославляли чешского вождя полковника Гайду за введение им на Сибирской железной дороге суммарного применения смертной казни,— разве может все это быть сглажено пустыми отрицаниями, ничем не обоснованными, между тем как все население этих громадных областей ежедневно претерпевает эту кровавую действительность и сотни тысяч человеческих уст проклинают ненавистных авторов этих преступлений, среди которых первое место занимает империалистическая олигархия, позорящая лицо земли несметными преступлениями? Народный комиссар может лишь отвергнуть с негодованием и презрением жалкую попытку избежать ответственности за деяния, вся тяжесть которых падает на их действительных инициаторов.

Народный комиссар по иностранным делам Чичерин
«Известия ВЦИК», 20 октября 1918 г.

152

Из протокольной записки обсуждения на заседании филиала Чехословацкого национального совета в России сообщения о самоубийстве полковника И. Швеца¹

Екатеринбург

28 октября 1918 г.

... 25. Д-р Кудела докладывает о ситуации:

Полковник Швец хотел вначале в соответствии с приказом взять Бугульму и создать фронт Бугульма—Бузулук. Этот план можно было легко осуществить, поскольку на этом участке у нас гораздо больше сил, чем у большевиков. Но вследствие настроения в войсках Швец не смог осуществить эту операцию и сообщил рапортом, что отказывается от нее. Это было для него лично большим ударом. Однако он настанвал на выгрузке из вагонов.

Как только мы приехали в Уфу, ко мне пришла делегация 1-го полка во главе с братом Шарой. Вела себя агрессивно. Наконец, после выводов, сделанных мной и братом Туркой, ушла спокойно. Затем в Аксакове пришла делегация из двух человек. Меня якобы дожидаются делегаты рот 4-го полка. Я сказал: «Я приду туда»,— но меня как раз позвали к полк. Швецу. Они повторили свою просьбу, особо подчеркнув, однако: «Мы просим, чтобы ты шел к нам немедленно». Наконец, повторив несколько раз свое требование, они ушли. Я зашел на минуту к Швецу, где находился также полковник Жак, а затем направился к этим делегатам. После моего подробного сообщения кто-то закричал, что эти дела их не интересуют. Я поэтому перестал говорить и просил задавать мне вопросы. Спросили: за что мы воюем? Мы сражаемся против воли русского народа. Они просили перевести их за Уфу, так как якобы на прежних позициях они не чувствуют себя достаточно уверенно. Я ответил, что это военный приказ, который нужно выполнять, а я могу только разъяснить необходимость этого приказа. В конце, когда уже каза-

лось, что я всех убедил, и когда я хотел сказать заключительное слово, кто-то сказал: но ведь мы до сих пор не получили ответа на вопрос о том, когда мы, собственно, уедем отсюда. Новые разъяснения.

День спустя полковник Шве́ц спросил перед выстроенным полком, у кого есть какие-нибудь жалобы. Из солдат никто не отозвался, только Рочек рассказал об общем настроении. Шве́ц сказал, что потребует смену, но что он должен настаивать на выполнении приказа о выгрузке из вагонов; за это он обещает, что еще сегодня начнет договариваться о замене 4-го полка. Выполните этот приказ? Примерно половина ответила: нет. После этого выступило много ораторов из войск. Все советовали выполнить приказ, но при этом подчеркивали, чтобы часть делала так, как она хочет. Они же будут делать то, что будут делать остальные. Наконец, Шве́ц спросил: «вы доверяете нам?» Несколько человек ответило: «нет». На призыв, чтобы тот, кто сказал «нет», выступил и сказал, почему, ответил Смолка: среди них нет никого, кто бы не верил Шве́цу, или что-либо подобное, но утрачена вера в военное командование вообще. В конце концов постепенно отдельные части выгрузились из вагонов, не послужились только 6 человек из 11-й роты. Их фамилии были сообщены Шве́цу.

Вечером пришли 4 делегата 1-го батальона 1-го полка во главе с братом Водичкой, бывшим членом Исполнительного комитета пензенской группы, и зачитали резолюцию батальонного собрания: 1. они протестуют против протекционизма в филиале Чехословацкого национального совета; 2. требуют, чтобы «ЧД» был представительным органом чехословацкого революционного движения и чтобы он не сообщал ложных сведений; 3. чтобы немедленно был созван съезд чехословацких войск. Я ответил на все три пункта. Они спокойно пошли домой.

В среду вечером первый батальон отбыл в Аксаково. Батальон принял решение не выгружаться из вагонов; пусть полковник Шве́ц скажет им то, что он сказал 4-му полку.

В четверг утром полковник Шве́ц и д-р Кудела отправились в Белебей. Построение 1-го батальона длилось долго. Наконец, были выстроены 1-я, 3-я и 4-я роты, а 2-я рота послала делегацию, а затем вышла группами. Шве́ц говорил с большим напряжением; сначала коротко: я получил приказ, я должен его выполнить, и я требую, чтобы и вы его выполнили. Я ожидаю, что вы не обманете меня. Если бы 1-й полк меня обманул, то я не смог бы этого пережить. Говорили солдаты, в том числе Водичка, в конце концов и я (меня прерывали криками), прекрасно говорил Кутельвашер и, наконец, опять Шве́ц, который между прочим сказал: «Вы приставляете мне прямо нож к горлу». Наконец, был предложен компромисс: будет избрана делегация, которая вместе с нами отправится к остальным батальонам 1-го полка, и им будет изложено то же самое. На это Шве́ц сказал: «Я не еврей, чтобы так торговаться с вами; если вы больше верите Водичке, то пусть он вас и ведет». В конце концов, когда Водичка попросил их, чтобы они выгрузились из вагонов, выгрузка была начата.

После этого мы пошли к 4-му полку; по пути Шве́ц примерно дважды заметил, что он идет туда только посмотреть, попрощаться и сообщить, что он перестал быть их командиром.

Затем мы пошли ко 2-му батальону 1-го полка, у него выгружалась из вагонов только 6-я рота.

В пятницу утром мне сообщили, что Шве́ц лежит застреленный в своем купе. Он лежал на полу, головой к дверям. Выражение лица было

нормальным, смерть наступила примерно в 3 часа. Примерно до 2 часов Швец работал. Он оставил две записки, одну более длинную, которую писал, по-видимому, Швец, который еще хотел жить,— это был приказ войскам 1-й дивизии, вторая — более краткая, примерно четыре фразы.

Во второй половине дня приехал ген. Сыровы². В Белебее он выступил в двух местах перед подразделениями 1-го полка. Впечатление было неблагоприятным. Затем он говорил перед 4-м полком, который внешне оставил лучшее впечатление. Затем Сыровы разъяснял офицерскому корпусу 1-го полка современную обстановку. Д-р Кудела выразил временному командиру 1-го полка майору Кутельвашеру соболезнование от имени филиала Чехословацкого национального совета по поводу смерти полковника Швеца (см. приложение)*.

(Память Швеца была почтена вставанием.)

В воскресенье в Челябинске состоялись похороны при участии ген. Сыровы, ген. Дитерихса, ген. Кнокса и др. Это были одни из самых славных, но и самых печальных похорон. От филиала ЧНС должен был выступить я, но после неприятного выступления поручика административной службы Веселского (который, в частности, сказал, показывая на Швеца: «это жертва вашего воспитания») я отказался от слова. Вместо меня говорил д-р Свобода.

Существуют главным образом две причины нынешнего положения в войсках:

1. Чехословацкий характер, который в состоянии сконцентрировать огромную духовную и физическую энергию, но только на короткое время.

2. Русские условия.

На этой основе возникли ошибки нашего военного, а вероятно, и политического руководства. Всегда считалось, что наших сил достаточно, чтобы противостоять превосходящим силам противника. Последние неудачи подорвали доверие к командованию вообще, которое не сумело привести сюда союзников, не сумело организовать Народную армию (русскую).

Как помочь в этом деле?

1. Верховное командование предприняло шаги для того, чтобы все части 1-й дивизии были в самое ближайшее время постепенно перемещены в тыл. 3-й полк будет арьергардом. На фронте будут использованы главным образом русские части.

2. Нужно во время отдыха войск занять их главным образом военной подготовкой.

3. Нужно дать войскам цель, идею.

4. Необходимо на время преобразовать всю нашу идеологию, содействовать у наших добровольцев пониманию того, что они являются гражданами государства и что как таковые они имеют определенные гражданские обязанности.

При всем этом хорошо то, что все недовольство в войсках концентрируется на филиале ЧНС; Чехословацкий национальный совет остается незатронутым, жалоб на офицеров вообще нет. И это является для меня доказательством того, что настоящий кризис — явление временное и что мы добьемся оздоровления армии в более короткое время, чем это себе представляют в Челябинске.

* Приложение не публикуется.

Уполномоченный при 1-й дивизии бр. Найбрт дополнил сообщение Куделы.

В конце сентября и в начале октября начался развал. Части отказывались нести службу, требовали замены; при этом еще мобилизованные, с одной стороны, корыстолюбивые элементы, с другой, распространяли провокационные слухи, например, о том, что проф. Масарик умер, что обращение «К чехословацким войскам» подделано и т. д. Я объехал фронт. В конце концов я призвал нездоровые элементы к тому, чтобы тот, кто не чувствует себя достаточно сильным, заявил мне об этом. Пришел только один Галач; он был направлен в Омск.

Причины: военные неудачи, поведение Народной армии, отсутствие информации и провокации.

Необходимо:

1. Организация русских войск должна находиться под нашим наблюдением;

2. Нужно наказывать не только солдат, но и офицеров;

3. Полевая почта должна действовать более исправно.

Опасения на будущее вызывает главным образом тот факт, что изменяются кадры нашей армии. Хорошие люди гибнут, не способны к дальнейшей службе, а новый материал плохой. Если этот материал перемешивается со старым составом, то он портит его (так, например, он погубил весь 9-й полк). Найбрт рекомендует, чтобы все добровольцы, вступившие в войска после объявления мобилизации, были удалены, чтобы среди них была введена австрийская дисциплина и чтобы у них по меньшей мере были отняты политические права.

Стоит вопрос, что делать с теми, которые в последнее время отказались от несения службы.

Найбрт рекомендует поставить всех перед полевым судом. Какое наказание давать при этих массовых судах, это дело суда (возможно, следует лишать политических прав).

Краль разъясняет: наш солдат чувствует себя добровольцем, он хочет и имеет право критиковать, он имеет право знать, почему не приходят союзники. Исполнительный комитет никогда формально не голосовал за то, что мы должны остаться в России, поскольку это обстоятельство возникло само по себе. Но масса этого не понимает. На это должен был дать разрешение съезд. Масса замечает, что в результате наших побед в России усиливается реакция. Поэтому мы должны вмешаться в русские события, мы должны быть беспощадными к крайне правым так, как мы были беспощадными к крайне левым. Но я верю, что здоровая душа народа снова проявит себя.

Патейдл: О том, что мы останемся в России, решил съезд и решил ЧНС. Поэтому неправда, что мы это сделали на собственный риск. Против правых элементов мы выступаем (см. уфимские совещания)³.

Д-р Кудела: Когда я проезжал через Челябинск, я просил генерала Сыровы издать приказ о том, что устанавливается наказание за ношение золотых погон в зоне боев. Если мы вмешиваемся в русские дела, то тот, против кого мы высказываемся, всегда призывает на помощь союзников, а те говорят, что мы наносим вред русским элементам, стремящимся к воссозданию государственности. Поэтому мы должны к этому нашему направлению привлечь и представителей союзников. О том, что мы останемся здесь, в России, об этом съезд принял ясное решение (резолюция русским).

По предложению Куделы принято решение:

А) Принимая во внимание заявление бр. Найбрта о том, что ныне при передвижении 1-й дивизии без его присутствия там в течение 3—4 недель можно обойтись, решено направить его в качестве посла к ген. Штефанику для того, чтобы информировать его о последних событиях в армии.

Б) Вопрос о том, должен ли ген. Чечек предстать перед специальным военным судом, передается на заключение юридическому отделу.

В) Ген. Сыровы будет уведомлен, чтобы об офицерах, не выполняющих своих обязанностей на фронте, в каждом отдельном случае немедленно сообщалось их вышестоящим командирам...

*VNA, Praha, OČNR, krab. č. 22, sl. Zápisy
z Jekaterinburgu, zápis, č. 35.
Копия. Перевод с чешского.*

- ¹ Швец И.—полковник, командир 1-го полка, временно исполнявший обязанности командира 1-й дивизии чехословацкого корпуса.
- ² Сыровы Я. (1888—1971) с 23 августа 1918 г.—генерал, с 28 августа — командир чехословацкого армейского корпуса, командующий чехословацкими войсками в России вплоть до прибытия в Сибирь генерала М. Жанена, одновременно являлся главнокомандующим союзническими войсками в Сибири.
- ³ Имеется в виду совещание представителей так называемого Комуча и Временного Сибирского правительства, состоявшееся в сентябре 1918 г. в Уфе.

*Нота народного комиссара иностранных дел РСФСР
Г. В. Чичерина Временному Чехословацкому правительству¹*

Передано по радио

31 октября 1918 г.

Российское Советское Рабоче-Крестьянское правительство, представляющее большие массы трудового населения России, выражающее в своей деятельности волю трудящихся масс, борющееся за их интересы, торжественно заявляет Временному Чехословацкому правительству, что оно никогда не имело даже мысли о том, чтобы выдать чехословаков, находящихся в России, австро-венгерскому правительству, как это утверждали контрреволюционеры-клеветники.

С начала года Советское правительство вошло в соглашение с английским и французским правительствами относительно способа, как предоставить возможность чехословакам, находящимся в России, возвратиться во Францию, но в течение последовавших месяцев Франция, вопреки ее обещанию, отнюдь не предоставила необходимого в этих целях тоннажа. Агенты капиталистических правительств Франции и Англии ввели в заблуждение чехословаков, подчинили их контрреволюционным влияниям и поместили их под начальство русских реакционеров, агентов проклятого, ничтожного царистского режима. Все те меры, каковые Советское правительство было принуждено предпринять против чехословаков, являлись исключительными мерами законной самообороны против контрреволюционного движения, стремившегося сбросить народную власть в России.

Ряд побед, одержанных революционной Красной Армией русских рабочих и крестьян над чехословацкими и белогвардейскими отряда-